

Эффект присутствия: Прокофьев в России 1920-х годов

Вопрос «почему Прокофьев вернулся в СССР?» является, сейчас, пожалуй, главным вопросом о Прокофьеве. Его задают — и отвечают на него по-разному биографы Прокофьева — Н.П. Савкина, С. Моррисон, И.Г. Вишневецкий; им без конца задаются посетители музыкальных форумов и блогеры. Современные исследователи подчас сходятся в недоумении, потому что и те, и другие отталкиваются из представления, что Прокофьев сменил лучшее на худшее. А поскольку его решение было столь нерациональным, значит, он принял его либо из низменных побуждений (деньги, слава), либо из возвышенных (религия, ностальгия). Если признать, что он всё же пытался действовать рационально, взвешенно, значит, он попался в ловушку по своей наивности.

В настоящей работе я попытаюсь подойти к этому «главному вопросу» с другой стороны. Моя задача — представить вниманию читателя документы 1920-х годов, которые демонстрируют глубину связей Прокофьева с Россией, его понимание и принятие тех механизмов, по которым функционировало советское общество, накопление, так сказать, советского опыта задолго до возвращения в СССР. Я намерена обходить по возможности наиболее известные источники, такие как Дневник и Переписка с Н.Я. Мясковским, основываясь в основном на менее известных письмах из Лондонского архива.

Но начать я хотела бы с другого — с того, как новая большевистская Россия приобретала опыт общения с музыкой Прокофьева, с рецепции. Как случилось, что к 1926 году, то есть до знаменитых гастролей 1927 года, скрябинская доминанта российской музыкальной жизни, как заметил Д. Мийо, посетив СССР, сменилась на прокофьевскую?¹

Главная доля пропаганды музыки Прокофьева пала на отдельных энтузиастов: инициаторами ее были Б.В. Асафьев в Ленинграде и В.В. Держановский в Москве. Как и до революции, новая музыка распространялась благодаря узкому кружку ее адептов — в этом ничего нового не было. Одним из первых советских корреспондентов Прокофьева (с начала 1924 года) был Р.И. Грубер. Тогда молодой музыковед, ученик Асафьева. Грубер встречался с Прокофьевым во Франции, в Севре (у него шли переговоры с С.А. Кусевицким), и по возвращении в Ленинград начал активно

¹ *Дариус Мило* [sic]. Музыкальная жизнь СССР // Рабочий и театр. № 27 (4 июля 1926 г.). — С. 11.

В 1920-е годы фамилия Мийо транскрибировалась в СССР именно так.

переписываться с Прокофьевым, получая от него новые сочинения и посылая ему книги и журналы. Он же был инициатором концерта из сочинений Прокофьева, ни одно из которых до этого в Ленинграде не исполнялось:

16 мая 1924 года, зал Капеллы

Увертюра не еврейские темы, ор. 34

Романсы [Пять стихотворений Бальмонта], ор. 36

Пять песен без слов, ор. 35

Сказки старой бабушки, ор. 31

Четыре пьесы для фортепиано, ор. 32².

Прокофьева крайне интересовала реакция питерцев на этот концерт, особенно, как он выразился, блока «бергов» (имеются в виду М.О. Штейнберг и Ю.Л. Вейсберг — члены семейного клана Римского-Корсакова)³. Очень уж хотелось ему взять свое в консерватории, перебороть то недоумение и недоверие, с которыми его музыка встречалась в предреволюционные годы. Реакция «бергов» была вялая, но зато завоевать консерваторию удалось исподволь: жена Грубера, Наталья Николаевна Позняковская, вела там фортепианный класс и воспользовалась своим влиянием, о чем и свидетельствует его письмо 1924 года:

«Мы с женой решили приняться за консерваторию; в конце концов, при содействии [Л.В.] Николаева, удалось достаточно крепко “внедрить” Вас в программы, “рекомендуемые к изучению”. Вы стоите одним из первых в ряду новых русских авторов, предложенных для исполнения при окончании. В ближайшую среду один из учеников Натальи Николаевны, некий Герц (вообще талантливый юноша) будет играть в своей программе Ваши “Сказки старой бабушки”, а на публичном классном будет исполнен Ваш ор. 32. Сама Нат. Ник. <...> разобрала вполне Ваш 3-й концерт и мы его играли как-то в воскресенье вечером [В.Г.] Каратыгину. <...> Каратыгин в большом восторге. На днях собираемся играть его Николаеву, [А.Н.] Оссовскому и некоторым другим профессорам консерватории»⁴. [Заметим, что именно Позняковская вскоре, в мае 1925 года, сыграет премьеру этого концерта в Ленинграде.]

Прокофьеву новости понравились чрезвычайно: «Очень пикантно, — писал он Груберу, — что мои сочинения начинают проникать в консерваторские программы, как же Глазунов переживает такой вандализм?»⁵.

² Из письма Р.И. Грубера Прокофьеву от 3 января 1924 г. SPA (the Serge Prokofiev Archive). F. 5a, it. 85–87.

³ Из письма Прокофьева Груберу от 2 апреля 1924 г. SPA. F. 5b, it. 129.

⁴ Из письма Грубера Прокофьеву от 18 мая 1924 г. SPA. F. 5b, it. 197–198.

⁵ Из письма Прокофьева Груберу [без даты]. SPA. F. 6a, it. 118–119.

Подобный процесс распространения музыки Прокофьева в широких массах музыкантов происходил параллельно и в Москве, и даже в провинции, как свидетельствуют следующие два письма:

Держановский — Прокофьеву:

«Ваша музыка, как это у нас называется, “пошла в массы”. На зачетных концертах в Консерватории и в техникумах за последние 2-3 месяца программы пестрят Вашими сонатами, романсами, пьесами.

На состоявшемся вчера концерте в пользу МОПРа⁶ <...> было немало такой публики, которая до этого не слышала, пожалуй, никакой музыки кроме Интернационала. И тем не менее Еврейская увертюра имела колоссальный успех...»⁷.

А.М. Дианов — Прокофьеву

«О том, что теперь почти каждый пианист включает в свой репертуар ваши произведения, Вы видите из вырезок газет. Играют все сонаты (кроме 1-й), гавоты, танцы, мимолетности, реже сарказмы, романсы поются певицами Духовской и Тележинской. Из мелких пьес самыми популярными стали “Сказки”. Их играют во всех музыкальных школах и не только Москвы, но и провинции. Так, мне прислали программу открытого концерта Омского музыкального Техникума, и там поставлены были “Сказки”»⁸.

Это было уже посерьезнее, чем просто взять реванш в alma mater: открывались перспективы огромной аудитории, а значит и огромного рынка. Отличительной особенностью российской рецепции Прокофьева было то, что его музыка игралась в самых различных контекстах — и в концертах новой отечественной музыки, и новой зарубежной, и со Скрябиным, и с Рихардом Штраусом, и с Бетховеном, и, что самое удивительное, в сборных концертах для пролетариата, куда обычно новая музыка не попадала (см. *Таблицу*). Недаром Мийо заметил, не без зависти, что Марш из «Трех апельсинов» стал фольклором⁹. И все это, подчеркну, произошло до первого приезда Прокофьева в новую Россию.

Но музыка Прокофьева не только объединяла, но и разделяла: отношение к нему стало и пробным камнем музыкально-политической идентификации. До нас дошли записи заседания Объединения Революционных Композиторов (известного под более поздней аббревиатурой ОРКиМД) спустя всего несколько дней после московской премьеры Третьего фор-

⁶ МОПР — Международное общество помощи борцам революции.

⁷ Из письма Держановского Прокофьеву, получено 11 июня 1925 г. SPA. F. 8, it. 83.

⁸ Из письма Антона Дианова Прокофьеву от 10 апреля 1926 г. SPA. F. 10, it. 241.

⁹ См. сноску 1.

Таблица. Сочинения Прокофьева в Ленинградской филармонии, 1924–1927 годов¹⁰

ДАТА	СОЧИНЕНИЕ/ИСПОЛНИТЕЛИ	КОНТЕКСТ
11 октября 1924 г.	Скрипичный концерт (И. Сигети, [?] Бердяев).	А.Н. Скрябин. Вторая симфония и «Поэма экстаза».
12 мая 1925 г.	Третий фортепианный концерт (Н.Н. Позняковская, [?] Унгер).	А.Н. Скрябин. Третья симфония «Божественная поэма»; И.Ф. Стравинский. Фантазия «Фейерверк»
10 октября 1925 г.	Скрипичный концерт (И. Сигети, В.А. Дранишников).	В.А. Моцарт, Л. ван Бетховен (концерты для скрипки с оркестром); И.Ф. Стравинский. «Фейерверк».
19 января 1926 г.	Марш из оперы «Любовь к трем апельсинам» (О. Фрид).	Р. Штраус. Симфонические по- эмы «Смерть и просветление» и «Жизнь героя».
3 марта 1926 г.	Сюита из балета «Сказка о шуте, семерых шутов перешу- тившего» (П. Монте).	Г. Берлиоз. Увертюра «Римский карнавал»; Э. Шоссон. Поэма для скрипки с оркестром; А. Онеггер. «Пасифик 231»; В. д'Энди. «Ис- тар», симфонические вариации.
13 октября 1926 г.	«Скифская сюита» (В.А. Дранишников).	Э. Кшенек. Concerto grosso; Э. Тох. Фортепианный концерт; А. Онеггер. «Пасифик 231».
16 октября 1926 г.	«Классическая симфония» (Н.А. Малько).	Э. Кшенек. Фортепианный концерт; А. Онеггер. «Pastorale d'été»; И.Ф. Стравинский. «Песнь соловья», симфоническая поэма из оперы «Соловей».
10 ноября 1926 г.	Третий фортепианный концерт (С.Е. Фейнберг, К.С. Сараджев).	Н.Я. Мясковский. Шестая симфо- ния; Л.А. Половинкин. Две пьесы (?).
26 января 1927 г.	Марш из оперы «Любовь к трем апельсинам» (Н.А. Маль- ко).	Сборный концерт в Домпросве- те им. Г. Плеханова.

тепианного концерта (22 марта 1925 г., солист С.Е. Фейнберг)¹¹. На заседа-
ние приходит гость и потенциальный соратник — Александр Давиденко, и
оказывается, что он потрясен концертом, прямо-таки влюблен в него. «Ре-

¹⁰ Десять лет симфонической музыки, 1917–1927. — Л.: Гос. акад. филармония, 1928.

¹¹ ОРКиМД. Протоколы заседаний. Фрагменты стенограмм. Автограф Е.Н. Шульгиной. ГЦММК, ф. 474 (Шульгин), ед. хр. 619. Частично опубликованы в: *Кривцова Е.* Из истории музыкально-общественных организаций: ОРКиМД, 1924–1932 (по материалам архива Л.В. Шульгина) // Труды Музея музыкальной культуры, т. 2. — М.: ГЦММК, 2003. — С. 268–292.

волюционные» композиторы (Л.В. Шульгин, А.А. Сергеев, К.А. Корчмарёв) пытаются убедить его, что это искушение и что такая музыка, даже если она и им самим нравится, должна признаваться чуждой. Так, через отречение от Прокофьева, Давиденко придет впоследствии к лидерству в РАПМе.

Но вернемся назад, в 1924 год. Тот же Грубер организовал Прокофьеву первое официальное приглашение посетить СССР, подав эту идею А.В. Оссовскому, который в то время заведовал филармонией (и, конечно, лично знал Прокофьева по консерватории). Оссовский отреагировал мгновенно, но действовал осторожно, опасаясь прямого отказа, и вышел на Прокофьева через композитора Алексея Августовича Давыдова, жившего в Берлине. Прокофьев ответил уклончиво:

«...до сих пор не мог ответить Вам ни да, ни нет, да и сейчас еще, к сожалению, не могу этого сделать: в течение будущего сезона у меня предстоит поездка в Америку, а также несколько постановок моих вещей, и я все еще не могу установить, в каком порядке все это расположится, и смогу ли я выделить время для поездки в Россию. Если же принять во внимание трудности, которые правительство СССР чинит российским гражданам при выезде их за границу, то является невозможным точно установить длительность пребывания в России. Поехать на 2-3 концерта в Ленинград и затем опоздать на турне в Америке или на постановку своей оперы — мне представляется нецелесообразным»¹².

За уклончивостью ответа ясно видна главная проблема: Прокофьев боится не выехать из СССР. В 1924 году (!) он уже вполне осознает ту угрозу, которая станет для него реальностью в конце 1930-х. И, так сказать, прямо намекает о ней для передачи Оссовскому (не через Грубера — ему он просто ссылается на занятость). Пока остается неясным, передал ли Оссовский эти опасения Прокофьева выше, или дальнейшее развитие событий с этим ответом не связано.

Что произошло дальше, более или менее известно, хотя и не до конца понятно. 21 июля 1925 года на заседании Политбюро по просьбе Луначарского обсуждался вопрос о возможности приезда в СССР Прокофьева, Стравинского и Боровского и было принято положительное решение¹³. Похоже, что пианист А.К. Боровский, друг и однокашник Прокофьева, присутствует здесь в качестве «бесплатного приложения», и даже официальные контакты с ним шли через Прокофьева. Так или иначе, предварительные переговоры, или по крайней мере разговоры с Прокофьевым, велись, как видим из представленной ниже хроники событий:

¹² Из письма Прокофьева Давыдову от 31 мая 1924 г. SPA. F. 5b, it. 241.

¹³ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике, 1917–1953 / сост. А. Артизов, О. Наумов. — М., 1999. — С. 58.

- 28 мая 1924 года Й. Сигети рассказывает ему о своих гастролях в Москве¹⁴;
- 9 июля 1924 года Прокофьев пишет А.В. Гауку ответ на письмо с предложением поставить «Игрока» и «Сказку о шуте, семерых шутов перешутившего» и записывает в Дневнике: «...приятно, что Петербург снова заинтересовывается мною»¹⁵;
- 5 ноября 1924 года встречается с семьей профессора Н.Н. Кедрова из Петербургской консерватории¹⁶;
- 4 января 1925 года встречается с актрисой, балериной и режиссером И.С. Чернецкой, обсуждают возможность создания балета: «...говорит, если я напишу, его схватят в Москве с радостью»¹⁷;
- 24 января 1925 года собрание евразийцев, на котором Прокофьев встречается с А.А. Ланговым¹⁸;
- 30 июня 1925 года встречается с М.О. Штейнбергом, который передает «не без торжественности» приглашение от Ленинградской филармонии. Прокофьев отвечает: «Прежде, чем мне не будет обратный выезд из России, я не хотел бы начинать даже переговоров»¹⁹;
- 12 июля 1925 года встреча с И.Г. Эренбургом (через П.П. Сувчинского), обсуждение возможности создания «большевистского» балета²⁰;
- 19 июля 1925 года встреча с Г.Б. Якуловым, начало работы над балетом, который впоследствии получит название «Стальной скок»²¹;
- 21 июля 1925 года письмо от Сигети, которой приглашает Прокофьева в Париж на встречу с директором Росфила Б.Б. Красиным²²;
- 24 июля 1925 года встреча с Красиным (предложение от ЦИКа СССР написать Киносимфонию к 20-летию революции 1905 года). Прокофьев отказывается, но соглашается приехать в СССР на гастроль²³;
- с 27 июля 1925 года Прокофьев ведет подробные переговоры о визите в СССР с Красиным и И.И. Экскузовичем (которые уже виделись с Н.К. Метнером и которым отказал в аудиенции С.В. Рахманинов)²⁴;

¹⁴ Прокофьев. Дневник. Ч. 2. С. 260.

¹⁵ Там же. С. 272.

¹⁶ Там же. С. 291.

¹⁷ Там же. С. 297.

¹⁸ Там же. С. 302. А.А. Ланговой был советским шпионом, одним из организаторов операции «Трест», в результате которой Борис Савинков и Сидней Рейли были заманены в Москву. В тот вечер он разговаривал с Прокофьевым о современной музыке, включая музыку Николая Рославца, который был мужем его сестры. В Дневнике Ланговой не назван; он идентифицирован Игорем Вишневецким в его книге Сергей Прокофьев (М.: Молодая гвардия, 2009. С. 307–308).

¹⁹ Прокофьев. Дневник. Ч. 2. С. 334.

²⁰ Там же. С. 338–339.

²¹ Там же. С. 341.

²² Там же. С. 342–343.

²³ Там же. С. 344–345.

²⁴ Там же. С. 345–346.

Зададимся вопросом: почему приглашение приехать в СССР возникло именно в этот момент?

Не исключено, что это одно из последствий переговоров, которые Держановский и Асафьев вели с А.В. Луначарским в начале 1925 года. Держановский тогда еще заметил, что Луначарский «вообще напуган стремлением всех за границу и нежеланием уже уехавших возвращаться», и старался запугать его еще больше, грозя, что и все остальные композиторы уедут, если им не создать нормальных условий работы²⁵. Именно тогда, в начале 1925 года, нарком прочитал обличительные и призывные статьи Игоря Глебова (Асафьева) и, судя по всему, заинтересовался положением на музыкальном фронте. Именно благодаря контактам с Держановским и Асафьевым наркому и могла придти в голову идея пригласить Прокофьева и Стравинского.

Со Стравинским, правда, получился конфуз: его, похоже, никто не предупредил, и на суровое официальное письмо, начинавшееся бюрократической фразой «Игорь Федорович! В ответ на Ваше обращение...»²⁶, он ответил мадам Брюсовой по-французски, что никакого запроса он и не думал посылать²⁷. Письмо, посланное Н.Я. Брюсовой по поручению Луначарского двум знаменитым композиторам, было не только сухо казенное, но и несколько устрашающее, хотя и с обнадеживающей концовкой:

«Правительство согласно на Ваше возвращение в Россию. Оно согласно дать Вам полную амнистию за все прежде совершенные проступки, если даже таковые имели место. Само собой разумеется, гарантии неприкосновенности в случае какого бы то ни было контрреволюционного поведения в будущем Правительство дать не может.

Гарантируется также полная возможность въездов и выездов из РСФСР по Вашему желанию»²⁸.

²⁵ Из письма Держановского Асафьеву от 16–17 декабря 1924 года (РГАЛИ, ф. 2658 (Асафьев), оп. 1, ед. хр. 542); из письма Луначарского Держановскому от 29 декабря 1924 года, приведенного в письме Держановского Асафьеву от 30 декабря 1924 года (РГАЛИ, фонд 2658, оп. 2, ед. хр. 45, л. 30–31).

²⁶ Основная часть письма, сформулированная Луначарским, опубликована в: *Б. Яворский. Статьи, воспоминания, переписка* / ред. И.С. Рабинович. — М.: СК, 1972. — С. 318. Полностью письмо опубликовано В.П. Варунцем в: И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Т. III: 1923–1939 / сост., текст. ред. и комм. В.П. Варунца. — М.: Композитор, 2003. — С. 145–146.

²⁷ См.: *Стравинский И.Ф. Диалоги*. — Л., 1971. — С. 335–336. Также: И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Т. III. С. 149. Оригинал хранится в РГАЛИ, фонд 2009 (Брюсова), оп. 2, ед. хр. 6.

²⁸ См. ссылку 26 настоящей статьи. В архиве Брюсовой сохранились черновики писем, посланных ею по трем адресам. РГАЛИ, ф. 2009, оп. 2, ед. хр. 4, л. 1–2.

Прокофьева, для которого письмо не явилось неожиданностью, суровый тон и упоминание о прощении проступков не обидели, а фраза о гарантии свободного выезда и выезда наверняка обрадовала, так как с этого момента он начинает уже серьезно планировать поездку в СССР. Свою роль тут сыграли и неоднократные личные беседы с Б.Л. Яворским, который был тогда правой рукой Луначарского по музыкальным делам и много ездил за границу, устанавливая всякого рода контакты. Яворского Прокофьев знал уже 20 лет и был склонен доверять ему.

23 апреля 1926 года Яворский предложил приехать в любую европейскую страну, чтобы встретиться с Прокофьевым, — теперь уже окончательно ясно, что приезд Прокофьева в СССР являлся государственным делом. После того как главный разговор состоялся (его, как выяснилось позже, записывал сидящий рядом агент)²⁹, и Прокофьев дал свое согласие приехать по приглашению Персимфанса, Яворский спешно писал ему вдогонку, как бы пытаясь развеять последние сомнения, о гастролях в России первой эмигрантской ласточки — тенора Дмитрия Смирнова:

«В Берлине я узнал, что Смирнов уже вернулся в Париж; выпустили его без всякой задержки, он даже взял с собой племянницу и племянника. Он уплатил четыре тысячи подоходного налога за все время, и вывез сейчас из России четыре пуда своих подношений»³⁰.

Несмотря на гарантию, данную в письме Брюсовой, вопрос о свободном выезде встал с особой остротой перед самой поездкой, в конце 1926 — начале 1927 года. Получив официальное письмо из Главнауки (отдела Наркомпроса), в котором Прокофьеву запрещалось подписывать контракты с организациями, помимо Персимфанса и Филармонии, и которое шокировало своим неприятным тоном, он спешно пожаловался Л.М. Цейтлину (руководителю Персимфанса). В руках последнего к этому времени сосредоточилась вся ответственность за подготовку поездки. Цейтлин ответил длинным успокаивающим письмом, которое до Прокофьева вовремя не дошло (он увидел его только в марте, уже в СССР). Визит в советское консульство в Париже, где Прокофьеву сказали, что вопрос о выезде может решаться только уже в Москве, напугал композитора до такой степени, что он немедленно написал в Филармонию и в Персимфанс письма о своем отказе от гастролей. И вот тогда, в панике, Держановский отправил Прокофьеву поразительное письмо:

«Вчера Хайс (Ленгосфиловский) телефонировал из Ленинграда Цейтлину о том, что от Вас пришло письмо <...> в котором Вы, после визита в консульство,

²⁹ Прокофьев. Дневник. Ч. 2. С. 399–400.

³⁰ Из письма Яворского Прокофьеву от 7 июня 1926 г. SPA. F. 11, it. 13.

отказываетесь ехать сюда. Я Вас прошу поверить мне и принять всерьез, что решительно все Ваши интересы обеспечены сполна и до конца. В консульстве тоже, само собой, Вам должны были сказать именно так, как сказали, ибо Вы и все, что делается с Вами и для Вас — исключения, а всяческие исключения делаются в исключительном порядке (простите за тавтологию), и именно здесь в Москве, откуда ведь Вам и придется уезжать. Цейтлин вчера меня заверил, имея на то полномочия, что Вы совершенно спокойно сможете уехать в любую желаемую для Вас минуту. И это действительно так, ибо я знаю, на чьи авторитеты и полномочия опирается в своих словах Цейтлин. Конечно, обо всем этом Вам из прекрасного далека судить трудно, но приехавши Вы убедитесь, что мы правы»³¹.

В этом письме Держановский намекал на двойной статус Прокофьева, — «исключение», которое делалось для него, было неофициальным, и гарантии его выезда не могли быть ему даны в письменном виде. Прокофьеву необходимо было теперь надеяться на тайные пружины, приведенные в действие всемогущим Цейтлиным, и в общем-то полностью положиться на слово Держановского (а мы-то знаем, и Прокофьев, наверное, тоже знал, что Держановский страдал непобедимым оптимизмом, и очень часто смотрел на ситуацию сквозь розовые очки).

Но Прокофьев положился, принимая таким образом, советские правила игры. Уже в Москве, как известно, Цейтлин сообщил ему, что дошел до самого М.М. Литвинова, министра иностранных дел, который действительно помог Прокофьеву с решением его паспортного вопроса, заключавшегося в сохранении его нансеновского паспорта³². Как свидетельствует Дневник, в ГПУ ему намекнули, что Литвинов здесь совсем и не при чем³³. Кажется, что в атмосфере московской эйфории Прокофьеву начал даже нравиться этот элемент тайны, авантюры.

Несмотря на то что в свой приезд 1927 года Прокофьев лично общался и с Луначарским, и с Литвиновым, и с О.Д. Каменевой, когда встал вопрос о его следующем визите, он снова обращается за помощью к Цейтлину:

«Мне хотелось бы, чтобы Вы, по примеру прошлого года, взяли на себя поговорить с ответственными товарищами, относительно некоторых деталей моего приезда. Вопросов собственно два: первый: можем ли мы с Линой Ивановой после трех-четырёх недель пребывания в СССР вновь беспрепятственно выехать за границу; и второй — по прежнему ли относятся ответственные товарищи к моему паспортному вопросу, и не может ли у меня быть в связи

³¹ Из письма Держановского Прокофьеву от 3 января 1927 г. SPA. F. 14, it. 8.

³² Прокофьев. Дневник. Ч. 2. С. 463.

³³ Там же. С. 475.

с этим каких-либо неприятностей? <...> При наведении справок очень важно, чтобы Вы подчеркнули, что этот мой приезд не делается с целью вывоза валюты, а является дальнейшим шагом к более постоянному пребыванию в СССР»³⁴.

В 1928–1929 годах, как известно, положение внутри страны радикально изменилось. Начались первые показательные процессы (в Лондонском архиве Прокофьева находим вырезку о Шахтинском деле), индустриализация, валютный кризис. Более или менее либеральная политика Луначарского подвергалась постоянным атакам, так что с февраля 1929 года он уже собирался в отставку. Валюты на Прокофьева не дают, и, более того, отношение к нему в верхах становится более подозрительным. Разговаривая с А.И. Свидерским, начальником Главискусства (а он, кстати сказать, был человеком Луначарского и защищал Булгакова вплоть до потери своего поста), Держановский с ужасом слышит от него, что Прокофьев, де, эмигрант — с чем он сейчас же начинает спорить³⁵. От письма к письму он убеждает Прокофьева согласиться на рубли, мотивируя тем, что «лишаться такого рынка, как СССР, было бы безумием»³⁶. И Прокофьев соглашается на рубли. Россия постепенно становится для него центром притяжения, и ради поездок туда он готов на жертвы, что становится ясным из целого ряда писем:

«В чем я несомненно с Вами согласен, это в том, что я все-таки должен постараться приехать в СССР, даже в том случае, если бы мне пришлось отставить нечто более выгодное за границей»³⁷.

«Я не то, что разолился, когда московская поездка провалилась, но Вы уж очень раззадорили моё желание вновь увидеть родные края — и я просто-напросто был безмерно огорчен отменой или отсрочкой этого события»³⁸.

«Однако верьте, проехаться в СССР мне хочется до чрезвычайности и валютного вопроса я не поднимаю, лишь бы только выпустили с аккуратностью, как в прошлые разы»³⁹.

³⁴ Из письма Прокофьева Цейтлину от 25 февраля 1928 г. SPA. F. 17, it. 152–153.

³⁵ Из письма Держановского Прокофьеву от 2 февраля 1929 г. SPA. F. 20, it. 90.

³⁶ Из письма Держановского Прокофьеву от 12 октября 1928 г. SPA. F. 19, it. 103–104.

³⁷ Из письма Прокофьева Держановскому от 20 октября 1928 г. (ЛАП, папка 19, л. 129). SPA. F. 19, it. 129.

³⁸ Из письма Прокофьева Держановскому от 12 февраля 1929 г. SPA. F. 20, it. 114. Оpubл. в.: Из писем молодого Прокофьева (1922–1934). Публ. И.В. Нестьева // Музыка России. Вып. 6 / сост. А.В. Григорьева. — М., 1986. — С. 279.

³⁹ Из письма Прокофьева Держановскому от 4 марта 1931 г. (ЛАП, папка 26, л. 247). SPA. F. 26, it. 247. Оpubл. там же. С. 285.

Прокофьеву легче понять советские трудности с валютой, чем причины бесконечных проволочек с постановкой «Игрока», и из-за этого он чуть не доходит до разрыва с Асафьевым. Но и это понимание к нему, в конце концов, приходит — помогает внимательное изучение журнала «Пролетарский музыкант», который посылают ему его российские корреспонденты. И вместе с ними Прокофьев терпеливо переживает грозу. Когда же, наконец, в апреле 1932 года выходит партийное постановление о разгоне РАПМа и иже с ним, Держановский пишет ему еще одно замечательное письмо, обращаясь к нему почти как к советскому коллеге:

«Со времени возвращения моего в Москву здесь произошли чрезвычайно крупные события, которые способны восстановить нормальное и плодотворное течение советской музыкальной жизни. Выведенный из себя бессовестными и идиотскими преследованиями со стороны хорошо известных Вам “вапмовцев” — Мосолов обратился с письмом к генеральному секретарю ЦК Партии, заключительный абзац которого, сочиненный не без моего участия, говорил вообще о диком состоянии на нашем музыкальном фронте и вредительской роли РАПМа⁴⁰. Выступление Мосолова, свидетельствовавшее о доверии композиторской общественности к партии, было принято с исключительным благожелательным вниманием. РАПМ сейчас разгромлен, у него отнят его злопыхательский “Пролетарский музыкант”, вероятно они будут сняты со всех ответственных мест в области концертной, педагогической и издательской работы, кажется, резко обозначается новый курс в области музыкальной политики, и мы, советские музыканты, давно и горячо стремящиеся к переходу от попутничества к союзничеству, получим, наконец, необходимые условия для нужной перестройки в духе марксизма-ленинизма»⁴¹.

С этого момента начинается новый этап возвращения Прокофьева, который здесь только затронем. Обратим внимание, что Держановский, который все еще пытался руководить процессом, заказывая Асафьеву статью о Прокофьеве «как советском композиторе» (это в тридцать втором году!), в этот момент уступает свою роль новому игроку — Левону Атовмьяну. Как и ранее с Цейтлиным, Прокофьев становится, так сказать, клиентом Атовмьяна, полностью вручает ему свою судьбу. А Атовмьян, как показал С. Моррисон, вступает в прямой контакт с Министерством иностранных дел и в дальнейшем действует по его инструкциям⁴². В эти

⁴⁰ Из письма Мосолова Сталину. Цит. по: Барсова И.А. Из неопубликованного архива А.В. Мосолова // СМ. 1989. № 7. — С. 80–92.

⁴¹ Из письма Держановского Прокофьеву от 16 апреля 1932 г. SPA. F. 29, it. 390.

⁴² Morrison, S. The People's Artist: Prokofiev's Soviet Years. — Oxford, 2009. — P. 16–27. Значительность фигуры Атовмьяна открылась с новой силой благодаря публикации его мемуаров Нелли Кравец, см.: Рядом с великими: Атовмьян и его время / сост., текстол. ред., коммент., исслед. разделы и предисл. Н.Я. Кравец. — М.: РАТИ — ГИТИС, 2012.

годы Прокофьеву дают попробовать сладкой жизни советской элиты — по сравнению со своей бродячей западной жизнью он как бы поднимается на новую социальную ступень. Впервые в жизни ему платят за то, чтобы он сочинял, — вне зависимости от исполнения или продаж (вспомним, как счастлив был Чайковский, найдя фон Мекк!). Впервые в жизни ему не нужно планировать концерты за много месяцев — Атовмьян убеждает его, что «любая музыкальная организация отменит любое свое мероприятие, чтобы организовать Ваш концерт»⁴³. От денег, которые Прокофьев постоянно считал за границей, он теперь отдаляется, потому что деньги считает Атовмьян, и многие советские удовольствия предоставляются ему бесплатно.

В начале 1930-х годов даже безвалютная Россия представляется западным музыкантам, испытывающим на себе тиски экономического кризиса, вполне обетованной землей — меха и антиквариат компенсируют материальные потери. Прокофьева начинают одолевать его западные коллеги (например, фирма инструментов Gaveau) с просьбами посодействовать в выходе на необъятный российский рынок. Но особенно много прошений от русских эмигрантов, — завидный статус Прокофьева, снующего челноком между Россией и Западом, не дает им покоя. Прокофьев, как может, пытается помочь одному из них, дирижеру Николаю Малько, но оба вскоре понимают, что прокофьевский статус, который и в самом деле исключителен, Малько не получить:

«Смертельно хочется ехать в СССР и не вижу пути к осуществлению этого. Написал Бубнову и Аркадьеву. Оба не ответили. <...> Ехать на ура я не могу <...>. Другими словами все сводится к тому, о чем Вы писали перед своим первым приездом в СССР: дайте гарантию, что выпустите обратно. У меня нет не только гарантии, но, что может быть важнее, нет протекции»⁴⁴.

Малько, по каким-то причинам, не входит в список ценных артистических кадров, о возвращении которых пекутся власти и которым дают поблажки. Ему дают понять, что он может возвратиться только навсегда.

Подведем итоги. С одной стороны, мы увидели, как закладывался фундамент прокофьевского успеха в широких массах советских музыкантов и насколько центральным — и вместе с тем спорным — было его творчество в эти годы. С другой стороны, мы стали свидетелями постепенного превращения Прокофьева в советского гражданина, который полагается не на законы и их исполнение, а на личные контакты. Правда, надо сказать, что такого рода операции были Прокофьеву знакомы по дореволю-

⁴³ Из письма Атовмьяна Прокофьеву от 17 марта 1933 г. SPA. F. 33, it. 247-252.

⁴⁴ Из письма Малько Прокофьеву от 5 января 1934 г. SPA. F. 36, it. 28.

ционной России и, надо понимать, не шокировали его. Человека, который вставляет в свои письма громкие имена знакомых комиссаров в надежде произвести впечатление на перлюстраторов — нельзя назвать наивным⁴⁵. В России Прокофьеву явно было хорошо — лучше, чем на Западе. Ненося в своей крови идеологического противоядия, а именно ненависти к большевикам, которая была присуща Стравинскому и Рахманинову, Прокофьев и рационально, и эмоционально воспринимал свое возвращение как ступень вверх. Сам он говорит об этом в письме Малько:

«Вообще есть тенденция (такая же тенденция в живописи) втягивать обратно случайно ушедшее за границу, но делать это в приятной для ушедших форме, дабы они почувствовали преимущество возвращения»⁴⁶.

Эта цитата открывает нам многое. Прокофьев знает, что его привлекают, затягивают, что в его возвращении для СССР есть политическая выгода. Но — после рискованного решения 1927 года — ни разу не противится. В эти годы вернулся не он один — возвратились С.М. Эйзенштейн, И.Г. Эренбург, К.С. Петров-Водкин, не говоря уже о М. Горьком. Никому из них не было дано посмотреть на этот выбор глазами человека XXI века и предсказать, как повернутся обстоятельства, они тоже не могли.

⁴⁵ Из письма Прокофьева Т.А. Раевской от 24 августа 1928 г.: «...когда я пишу ей [тете], то всегда упоминаю о моих предстоящих поездках в Москву и вплетаю имена важных комиссаров с тем, что если бы мое из письма попало в руки цензуры, то чтобы уважали». SPA. F. 18, it. 297.

⁴⁶ Из письма Прокофьева Малько от 20 декабря 1933 г. SPA. F. 35, it. 323.